

Книжная лавка

Осень пролетела незаметно, и вот уже наступила зима. При дворе прекратили утренние приёмы, готовясь к встрече Нового года. Это было редкое время, когда в княжеской резиденции воцарялись покой и согласие, ведь все заботы — от подготовки праздничных даров и проведения родовых ритуалов до устройства пиров и приёма гостей — ложились на плечи госпожи Шэн, супруги князя.

Говорят, что для простого люда конец года — тяжёлая пора, но кто бы мог подумать, что и в домах, где едят с нефритовых блюд под звон колоколов, новолетие — тоже испытание. Доходов, поступавших с поместий, едва ли хватало на все подношения и празднества. Поэтому даже почтенная госпожа в это время становилась на удивление благосклонна к госпоже Шэн, и вся семья в мире и согласии встречала Новый год.

В этом году, после того как госпожа Шэн получила пожалованный титул первого ранга, со всех сторон посыпались поздравления и подарки. Дом был полон родных и гостей. Не только хозяйке, но и почтенной госпоже с госпожой Бай приходилось выходить к гостям, отчего в резиденции воцарилось невиданное за последние годы оживление. Каждое новое поздравление, очевидно, вызывало у почтенной госпожи досаду, но она лишь натянуто улыбалась. Госпожа Бай, будучи вдовой, показалась лишь раз или два, чтобы принять родню со своей стороны, а после перестала выходить к гостям.

Таким образом, всё внимание оказалось приковано к госпоже Шэн. Обладая теперь высоким титулом, да ещё и будучи частью столичной знати, где все связаны узами брака и новости распространяются мгновенно, она стала центром событий. Многие знали, что её титул был пожалован не по заведённому порядку через Министерство ритуалов, а по личному указу из дворца, что придавало ему совершенно иное значение. Госпожа Шэн впервые оказалась в центре такого внимания. К счастью, она происходила из богатой купеческой семьи и с юных лет управляла делами, а потому не была робкой затворницей. Она принимала гостей с достоинством и изяществом, и вскоре заслужила в высшем свете добрую славу.

На седьмой день нового года, после утомительного дня, госпожа Шэн, вернувшись в свои покои, по привычке спросила, чем занят наследник.

— Молодой господин с самого утра, устав от шума, отправился в книжную лавку «Праздное облако», — доложил Шэн Ань.

— Что ж, и на том спасибо, что хоть несколько дней провёл дома спокойно, — вздохнула госпожа Шэн. — Как там дела в лавке?

— Хоть молодой господин и открыл её ради забавы, прибыль она приносит неплохую. Он велел отдать в печать ещё несколько книг, только...

— Раз хочет печатать, пусть печатает, — сказала госпожа Шэн. — Всё равно рабочие без дела сидят.

— Госпожа, вы ради молодого господина не пожалели денег и выкупили эту типографию, — усмехнулся Шэн Ань. — Раньше там и работы-то не было, а теперь дело кипит, людям жалование платят. Все только и молятся на своего хозяина, как тут не стараться. Только вы ведь знаете, характер у молодого господина всё более переменчив. В последнее время он заказывает для печати... книги о «Южном ветре», да ещё и с картинками...

Лицо госпожи Шэн потемнело, но она сдержанно произнесла:

— Пусть тешится, раз ему это в радость.

Шэн Ань, искоса взглянув на неё, добавил:

— И даже сам одну нарисовал...

Рука госпожи Шэн дрогнула. Она глубоко вздохнула и, не выдержав, сказала:

— Скажи ему, пусть рисует для себя, сколько угодно, но печатать и продавать — ни в коем случае! Он — будущий наследник княжеского титула, разве можно, чтобы такие вещи разошлись по свету?

— Хорошо, я постараюсь мягко убедить молодого господина, — улыбнулся Шэн Ань.

Госпожа Шэн коснулась браслета на запястье и пожаловалась:

— И за что мне достался такой сущий дьявол?

— Боюсь, молодой господин намеренно бунтует, ожидая вашего вмешательства, — предположил Шэн Ань.

Госпожа Шэн снова побледнела и, помолчав, тихо произнесла:

— Пусть делает, что хочет.

Шэн Ань не понимал, отчего мать и сын так отделились друг от друга. Он думал, что в знатных домах, должно быть, свои странные порядки, непонятные простым купцам.

— Тогда я постараюсь ещё раз поговорить с молодым господином, — поклонился он. — Хотя он и занимается этим ради забавы, но и книжная лавка, и театр приносят хороший доход. Старый

господин говаривал, что иные молодые господа из нашего рода не сравнятся с нашим наследником в деловой хватке. Взять хотя бы книжную лавку. В этом городе, пожалуй, только «Праздное облако» умудряется получать прибыль, не печатая учебники для Государевой академии, казённых училищ или родовых школ. Кто бы мог подумать, что можно взимать плату за членство, позволяя читать книги бесплатно, а в чайной при лавке продавать чай, картины, закладки, кисти, тушь, бумагу и чернильницы, и на этом ещё и зарабатывать? Я слышал, что только на чае и закусках вроде орешков и семечек месячная прибыль весьма значительна. Такие мелочи, а приносят немалый доход. А уж о Павильоне Тысячи Осеней и говорить нечего. Сколько театральных и акробатических трупп готовы платить любые деньги, лишь бы выступить на его сцене. Подумать только, молодому господину всего восемнадцать, а он с такой лёгкостью ведёт два таких дела. Неудивительно, что дедушка так им доволен.

Госпожа Шэн горько усмехнулась.

— Наследнику княжеского титула ни к чему деловая хватка. Между собой мы можем так говорить, но, боже упаси, чтобы кто-то посторонний услышал. Нас же на смех поднимут.

— Ваше счастье ещё впереди, госпожа, — с улыбкой сказал Шэн Ань.

Сюй Чунь и не подозревал, какие терзания доставляет матери его новое увлечение. Он и впрямь загорелся идеей напечатать свои рисунки, но после разговора с Шэн Анем, хоть и не подал виду, всё же отказался от этой затеи. И дело было не в его статусе наследника. Он просто подумал, что одно дело — рисовать для себя, и совсем другое — выставлять на всеобщее обозрение. Если господин Хэлань узнает, то сочтёт его... грязным.

Прежде он вёл себя довольно раскованно и беззаботно, но теперь, вспоминая сдержанное и холодное достоинство господина Хэланя, он чувствовал, что в душе его появилась некая черта, которая удерживала его от прежних вольностей.

При одной мысли о господине Хэлане сердце Сюй Чуня начинало трепетать, словно его царапала кошачья лапка. Он понимал, что это тоска, и, не в силах с ней совладать, взял кисть и сделал несколько набросков, пытаясь запечатлеть господина Хэланя, стоящего на носу плавучего павильона. Но, поняв, что ему не удаётся передать его гордую осанку и несравненное изящество, он с досадой отбросил кисть и тяжело вздохнул.

Четверо его слуг — Чуньси, Сячао, Цюху и Дунхай — не удержались от смеха. Цюху вошёл с чашкой горячего чая.

— Ну что вы, молодой господин, в такой праздник, и вздыхаете. В книжной лавке сейчас затишье, бедные студенты, верно, от долгов прячутся, не до чтения им. Поезжайте лучше в павильон «Тысячи осеней», послушайте музыку, повеселитесь. Там сейчас самое оживление. А то вы своими вздохами всю удачу в новом году распугаете.

Сюй Чунь смерил его скучающим взглядом и, положив рисунок под зелёную решётку на окне для просушки, ответил:

— Ничего нового там нет. Нынче учёные мужи не хотят писать для театра, ни одной хорошей пьесы. К тому же, в праздник там слишком многолюдно, не ровен час, наткнёшься на кого-нибудь. В прошлый раз столкнулся с отцом, так он ещё и отчитал меня, заставил книги переписывать! А если бы он узнал, что театр мой, то, боюсь, переломал бы мне ноги.

Сячао, сидевший у жаровни и поджаривавший каштаны, звонко возразил:

— За это князь вас точно не накажет. Но вот если почтенная госпожа узнает, что у вас есть такое прибыльное дело, она непременно захочет прибрать его к рукам.

Чуньси, который был постарше, ткнул Сячао в бок, чтобы тот не сплетничал о хозяевах за их спиной, и обратился к Сюй Чуню:

— Управляющий павильона «Тысячи осеней» велел построить отдельную лестницу сзади. Можете быть уверены, молодой господин, по пути в свою ложу вы ни с кем не столкнётесь.

— Я слышал, в павильон прислали много новых пьес от разных трупп, — подхватил Сячао. — Все ждут, когда вы их отберёте. Говорят, у нас в театре самые лучшие представления, и не догадываются, что это всё потому, что вы выбираете лучшие сценарии.

— Ладно, уговорили, — махнул рукой Сюй Чунь. — Только, по-моему, это вам хочется посмотреть представление.

Сячао высунул язык.

— Вы к нам так добры, молодой господин. Если поедем сейчас, как раз к ужину успеем. Закажем что-нибудь изысканное, и на сегодня с делами покончено. На улице снежок пошёл, я принесу вам накидку.

Сюй Чунь улыбнулся и, сменив одежду, вышел из кабинета. В коридоре он увидел управляющего лавкой, Ло Юйчжоу, который разговаривал со слугой. Увидев его, управляющий просиял и поспешил к нему.

— Молодой господин, тут один учёный хочет продать нам книгу, но настаивает на встрече с хозяином. Мы ему говорим, пусть оставит, мы передадим, а он не соглашается, говорит, дело срочное. Этот господин Хэ — наш постоянный клиент, переписывает книги за деньги, так что все управляющие его знают. И он знает, что мы не хозяева. Неудобно ему отказывать. Как быть?

Сюй Чунь со второго этажа взглянул вниз и увидел в тени у входа молодого учёного. Он был одет в тонкую, поношенную одежду и постоянно оглядывался, словно кого-то избегая. Вид у него был встревоженный.

— Пригласите его во внутренний кабинет, — решил Сюй Чунь. — Подайте горячего чая, пирожных и лепёшек, скажите, что молодой хозяин скоро подойдёт.

Ло Юйчжоу на мгновение замер, но тут же поспешил исполнять приказание.

— Молодой господин, вы же обычно не встречаетесь с этими учёными, — удивился Сячао. — Бойтесь, что если они сдадут экзамены и получают чин, то узнают вас.

— Видишь, он прячется от людей, одет бедно и легко. Похоже, у него какая-то беда, о которой стыдно говорить. Если принимать его в общем зале, он, человек учёный и гордый, может постесняться. К тому же, на улице холодно, да ещё и праздник. Пусть сначала подкрепитя, успокоится. И ещё, раз он часто у нас бывает, значит, живёт где-то поблизости. Сячао, пошли кого-нибудь разузнать, что у него за трудности, только незаметно.

Он вернулся в кабинет и выпил ещё чашку чая. Вскоре вернулся посланный Сячао слуга, и на лице его было удивление.

— Заплатил немного денег нескольким посредникам и свахам, всё разузнал. Этого учёного зовут Хэ Чжицю. С виду — обычный бедняк, а на самом деле уже имеет степень цзюйжэня и этой весной должен был сдавать столичные экзамены. Но у него отец — заядлый игрок, погряз в долгах. На Новый год к ним вломились заимодавцы, мать от горя слегла. А отец, прослышав, что его ищут, чтобы побить, теперь прячется дома с переломанными ногами. Кредиторы же требуют продать дом в уплату долга.

— Раз у него есть степень цзюйжэня, он мог бы приписать к своему имени несколько земельных наделов и получать с них доход, — удивился Сюй Чунь. — Неужели ни родня, ни учитель, ни соученики не помогли? Сколько он должен?

— Только игорный долг — больше ста лянов. Он уже занял у всех, кого мог, и со всеми рассорился. Даже родовые земли давно проданы. Говорят, и родня жены, не выдержав позора, разорвала с ним отношения. Он даже плату за обучение ещё не вернул, а у соучеников уже занимал. Семья, с которой была договорённость о браке, поспешно расторгла помолвку. Господину Хэ, похоже, больше не у кого просить. Глава рода вмешался и договорился с кредиторами, чтобы те пока взяли дом в залог, а после праздников он попробует найти деньги.

— Вот уж не повезло с отцом, — кивнул Сюй Чунь. — Что тут поделаешь. Чем более учёный человек, тем больше боится обвинения в непочтительности к родителям, ведь это конец его карьере. Родителей не выбирают. Этот господин Хэ и так из грязи в люди выбился.

Четверо слуг молчали. Сюй Чунь, заметив их сочувствующие взгляды, усмехнулся.

— Что смотрите? Мой отец хоть и негодяй, но, по крайней мере, не проигрался в пух и прах. Ему вообще везёт: и титул, и богатый тесть, и расторопная жена. Все говорят, что он счастливчик. А посмотрите на этого господина Хэ. Считайте, мне ещё повезло с рождением.

Он взглянул на часы на стене и, решив, что учёный уже успел подкрепиться, неторопливо направился к нему.

<http://bllate.org/book/16990/1582149>